

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ КРАСНОЙ АРМИИ (на примере румынской историографии)

Лавренов С.Я.

Первой восточноевропейской страной, на территорию которой 28 марта 1944 г. вступила Красная армия, стала Румыния. Развивая наступление ходе Уманско-Ботошанской операции (5 марта – 17 апреля), 26 марта ударная группировка 2-го Украинского фронта вышла в 85-километровой полосе к р. Прут, севернее молдавского города Унген. В ночь на 28 марта, форсировав реку, советские воины перенесли боевые действия на территорию Румынии. 7 апреля был освобожден город Ботошани. Войска фронта на центральном участке вышли к Яссам, а его левое крыло – к Кишинёву.

Для Красной армии это был первый в годы Великой Отечественной войны опыт выхода за пределы страны – при этом на территорию государства, находящегося в союзнических отношениях с нацистской Германией. Формально это оправдывало возможность проведения репрессивной политики в отношении представителей государственных и военных структур Румынии. Однако советское правительство избрало иной курс.

Уже 2 апреля советское правительство выступило с официальным заявлением, в котором отмечалось, что вступившие на территорию Румынии советские войска «не преследуют цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения

существующего общественного строя Румынии и диктуются исключительно военной необходимостью...» [8, С. 341–342].

10 апреля 1944 года ГКО в своем постановлении вновь подтвердило, что Красная армия не преследует никаких иных целей, «кроме цели разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработанных ею странах» [2, с. 48]. В целом, эта линия в дальнейшем соблюдалась.

Тем временем советские войска после завершения Уманско-Ботошанской операции были вынуждены взять оперативную паузу. И не только потому, что дальнейшему продвижению войск мешали отставшие тылы, низкая пропускная способность дорог в условиях весенней распутицы, потери и усталость войск от многодневных боев. Необходимо было решать новые задачи, связанные с определением линии поведения советских войск на чужой территории.

То, что это поведение, в целом, носило гуманный характер в первые послевоенные годы не подвергалось сомнению. Однако затем, с началом «холодной войны», ситуация из политических соображений стала меняться – на Западе стал активно муссироваться тезис «о новой оккупации европейских государств» со стороны Советского Союза. Даже после того, как политико-идеологическая конфронтация, вместе с крахом Советского Союза, ушла в прошлое, эта ситуация не только не изменилась, но ещё более усугубилась после того, как постсоветская Россия встала на путь проведения суверенной политики.

В отличие от основного трека фальсификации освободительной миссии Красной армии, этот политико-идеологический тренд в румынской историографии имеет как общие, так и особенные черты.

К общим чертам относятся: во-первых, тезис румынских историков, вслед за своими западными партнерами, о том, что СССР стремился навязать Румынии политико-идеологический строй, не учитывающий позицию местной власти и населения.

Но, как уже упоминалось, факты говорят о том, что советское командование с вступлением войск на территорию освобождённых восточноевропейских стран не намеревалось устанавливать здесь оккупационный режим, в отличие от немецко-фашистских властей.

В частности, 14 апреля 1944 года Военный совет 2-го Украинского фронта обратился с воззванием к румынскому населению, в котором говорилось: «Частная собственность граждан остается неприкосновенной и находится под охраной советских военных властей. Все местные органы власти и гражданского самоуправления, существовавшие до прихода Красной армии, сохраняются».

В таком же духе были даны директивы войскам: «К румынскому гражданскому населению относиться с советским достоинством, не допускать никаких самочинных и произвольных действий» [2, с. 57–58].

Несмотря на это, современная румынская историография продолжает утверждать, что Красная армия вела себя на территории Румынии как грабительская, занимаясь мародерством и насильственной реквизицией. При этом приводятся, как правило, надуманные факты.

Если сравнить поведение Красной армии и вермахта на занятых территориях, то видно разительное различие. Немцы вели себя как безжалостные оккупанты, систематически грабившие и терроризировавшие местное население. Красноармейцы вели себя по-иному. Этому было несколько причин.

Красная армия воспитывалась в духе интернационализма, сущностью которого было постулирование освободительного, братского отношения к трудящимся массам, то есть к основной части населения иностранных государств. В связи с этим, перед вступлением на территорию европейских стран, бойцам и командирам разъяснялось, что население европейских стран сильно пострадало от немецких оккупантов и их пособников – соответ-

венно, задача Красной армии состоит в его освобождении и оказании помощи.

Кроме того, этот идеологический концепт исходил из того, что каждый красноармеец является представителем Советского Союза, носителем «советского достоинства». Это не означало, что не было единичных случаев самочинных действий в отношении местного населения. Но с этой практикой советское командование боролось целенаправленно и жестко. Например, начальник тыла 61-й армии издал несколько приказов, в которых категорически запретил разборку жилых домов и построек, потребовав докладывать лично о каждом факте разборки жилых домов. Также было издано требование проверить всё поголовье скота и лошадей, и весь незаконно приобретенный скот вернуть владельцам [2, с. 59].

Документы советского командования говорят о систематической борьбе с мародерством во всех его формах еще до вступления на территорию европейских стран. Разбитые немецкие войска в Румынии, напротив, отступая, грабили местное население.

Так, крестьяне села Фынтынешти Ботошанского уезда свидетельствовали: «Немцы явились из-за Прута пешком. Они пришли с распухшими ногами, измученные, изорванные, многие шли с Украины босиком. Но отсюда они уехали в наших повозках, на наших лошадях, в нашем белье... Они пустили нас по миру за одну ночь» [2, с. 52].

Решительная борьба с проявлениями мародерства сопровождалась оказанием помощи местному населению.

Со вступлением на территорию Румынии, забот у тылов только добавилось. Помимо своих прямых обязанностей по снабжению войск, тыловые службы фронта были вынуждены решать многочисленные задачи по налаживанию отношений с местными властями и населением.

В занятых населенных пунктах создавались военные комендантуры, вступающие в контакты с местными органами власти – из тех,

что не бежали с приближением советских войск. Продовольствие для нужд армии не реквизировалось, а закупалось. С этой целью советское командование впервые прибегло к выпуску военных денег для расчёта с местным населением.

Военные леи, наряду с рублями, имели хождение в Румынии с апреля по сентябрь 1944 года. После завершения боев в Румынии, советское командование выкупило имеющиеся у населения рубли и военные леи на национальную валюту [2, с. 61].

То, что в апреле 1944 г. советскими войсками была занята лишь небольшая часть северо-восточной Румынии, имело позитивное значение, поскольку тыловые органы получили возможность лучше подготовиться к решению возникавших проблем.

Блестяще проведенная войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов Яско-Кишиневская операция (20–29 августа), изменив весь характер войны в Юго-Восточной Европе и на Балканах, привела не только к выходу Румынии из войны, но и к её переходу на сторону антигитлеровской коалиции.

Вместо арестованного маршала И. Антонеску король Михай I назначил на пост премьер-министра генерала К. Сэнэтеску, на которого была возложена задача по реализации новой военной стратегии Бухареста.

25 августа 1944 г. советское правительство опубликовало заявление, основной смысл которого заключался в том, что если румынские войска вступят в борьбу с немецкой армией, то они не подвергнутся разоружению. Последовал переход ряда частей румынских вооружённых сил на сторону Красной армии.

Уже 29–30 августа 1944 г. советские и часть румынских войск сражались вместе в районе Плоешти с целью освобождения местных нефтепромыслов от немецких гарнизонов [2, с. 66]. В боевых действиях участвовала в том числе 1-я румынская добровольческая пехотная Краснознамённая Дебреценская дивизия имени Тудора

Владимиреску, сформированная в 1943 г. на территории Советского Союза.

После завершения Яско-Кишинёвской операции в Бухарест прибыли представители союзного командования, учредившие Союзную контрольную комиссию под председательством Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. По условиям перемирия Румыния обязалась выполнить ряд условий:

- разоружить и интернировать немецкие и венгерские войска на своей территории;
- передать союзникам в качестве военных трофеев вражеское вооружение и имущество;
- освободить советских и союзных военнопленных и интернированных лиц;
- вернуть имущество, вывезенное из СССР, и возместить товарами нанесенный Советскому Союзу ущерб в размере 300 млн долларов [2, с. 67].

Необходимо отметить, что советские условия носили весьма умеренный характер – затребованная компенсация составляла лишь пятую часть от нанесенного румынскими войсками ущерба на территории Советского Союза, оцениваемого в 1,5 млрд долларов.

По условиям перемирия, Румыния обязалась также выставить на войну не менее 12 дивизий. Бухарест «перевыполнил» это обязательство. 7 сентября 1944 г. в оперативное подчинение 2-го Украинского фронта перешла 4-я румынская армия в составе 11 дивизий и 1-я армия в составе 5 дивизий. К концу сентября 1944 г. Румыния направила на советско-германский фронт в общей сложности 28 дивизий, которые, в целом, успешно сражались против немецких и венгерских войск. Так, 4-я румынская армия в начале сентября 1944 г. упорно обороняла важные карпатские перевалы – Предял и Брашов, через которые немцы намеревались отступить в Венгрию.

Однако сами румынские власти на различном уровне допускали колебания относительно выполнения своих союзнических обязательств, в том числе под давлением Германии. Брожение охватило и часть румынских войск. Это привело к необходимости «зачистки» тыла советских войск. К концу 1944 г. органами военной контрразведки были задержаны 13,3 тыс. человек [2, с. 71].

7 декабря 1944 г. румынский король назначил премьер-министром начальника Генерального штаба румынской армии генерала Николае Рэлеску, занимавшего антисоветскую позицию. Его назначение было обусловлено тем, что политическое руководство Румынии, по мере освобождения Румынии от немецко-фашистских войск, стремилось свести к минимуму сотрудничество с Советским Союзом из-за поддержки последним левых сил в стране. Дело дошло до того, что Николае Рэлеску не только всячески препятствовал отправке румынских подкреплений на советско-германский фронт, но и предпринял попытку организовать военный путч, направленный, в первую очередь, против набиравшей популярность Румынской коммунистической партии. Однако изменить политический процесс ему не удалось, в том числе и потому, что представители Союзной контрольной комиссии потребовали немедленного прекращения репрессивных действий против массовых демонстраций, прошедших 24 февраля 1945 г. в Бухаресте, Брашове, Каракале и других крупных городах Румынии.

После прибытия в Бухарест заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского Союзная контрольная комиссия 27 февраля выдвинула ультимативное требование о разоружении части бухарестского гарнизона, замешанного в путче. Правительство Н. Рэлеску было вынуждено уйти в отставку.

6 марта 1945 г. король Михай I назначил новое правительство во главе с доктором Петру Гроза, придерживавшегося антифашистских взглядов. Румынская армия продолжила совместные с Крас-

ной армией боевые действия в Венгрии и Чехословакии. В апреле 1945 г. была сформирована 2-я румынская добровольческая пехотная дивизия им. Хория, Клошки и Кришана, насчитывавшая около 20 тыс. человек [2, с. 73]. Советская сторона обеспечила её вооружением и имуществом.

Активное участие Румынии, недавнего противника, в боевых действиях на стороне антигитлеровской коалиции стало своего рода феноменом в истории Второй мировой войны. Это вряд ли стало бы возможным, если бы не взвешенная политика Советского Союза на территории Румынии. Об этом историки-ревизионисты, стремящиеся представить Красную армию как грабительскую, склонную к репрессивным действиям, предпочитают умалчивать. Умалчивается также факт об огромной материальной помощи, оказанной Советским Союзом румынскому населению.

Так, согласно донесению начальника политотдела 53-й армии полковника Г. Мартынова о ситуации в Бухаресте от 5 сентября 1944 г.: «В городе восстановилась нормальная жизнь. Улицы полны народа. Работают учреждения, магазины, столовые, рестораны. Выходят газеты. Нормально работают все культурно-бытовые предприятия и учреждения, водопроводная и электрическая сеть, трамваи...» [2, с. 76].

В свою очередь, командование 40-й армии 25 октября 1944 г. сообщило Военному совету 2-го Украинского фронта о том, что после освобождения города Сату-Маре, расположенного на северо-западе Румынии, что саперы армии восстановили 658 мостов, построили 1414 км дорог в горах, расчистили 1300 км дорог, сняли 31 тысячу фугасов, расчистили 9396 лесных завалов [2, с. 77].

Осенью 1944 г. красноармейцы, по распоряжению командования, приняли участие в посевных работах под озимые культуры. В 1945 г. из Румынии было выделено 150 тыс. тонн пшеницы и 150 тыс. тонн кукурузы, что позволило избежать голода. Продовольст-

венную помощь Румынии Советский Союз продолжал оказывать и в первые послевоенные годы. Огромная помощь советской стороны была оказана в восстановлении местной промышленности и транспорта, а также нефтедобычи [2, с. 81].

Репарационные платежи, первоначально установленные в размере одной пятой от реальной суммы ущерба, в 1945 г. были сокращены наполовину в связи с тяжелым хозяйственным положением в Румынии. Однако эти гуманные меры советского правительства игнорируются современной румынской историографией, как и в целом западной.

В настоящее время её особенностью является попытка реабилитации участия Румынии в войне против СССР на основе так называемого «бессарабского» вопроса. В первую очередь, румынские историки активно эксплуатируют аргументацию пресловутого В. Суворова о подготовке Советским Союзом якобы превентивного удара против фашистской Германии и Румынии [6]. Соответственно, нацистское вторжение квалифицируется рядом румынских историков как действие «румынской и немецкой армий по предотвращению большевистского нападения на Румынию и Германию» [15, р. 23–24].

Совместное с гитлеровской Германией нападение фашистской Румынии на СССР, кроме того, трактуется как «законный» повод вернуть утраченные «национальные» территории, а именно Бессарабию (на тот момент входившую в Молдавскую ССР).

Заявляется, что «германо-советская война положила конец... антинародной политике преступного государства по отношению к мирному населению похищенной провинции» [16, р. 43, 49]. При этом разоблачающий факт о том, что фашистская клика Иона Антонеску видела решение «бессарабского вопроса» в так называемом «этническом очищении» этих территорий, естественно, замалчивается [7].

Еще один румынский историк Г. Бузату, приписывая агрессивные замыслы Советскому Союзу, утверждает, что румынский народ боролся за своё физическое выживание и защищал национальную независимость. По его мнению, он боролся за то, чтобы «...его страна, очаг не были стёрты с карты независимых государств» [9, р. 148]. Этот же историк, так же как и его коллега И. Скурту [18, р. 381, 405, 407], утверждает, что это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и противкоммунистической опасности с Востока» [10, р. 239].

Ряд румынских историков договорились до того, что называют Восточную кампанию «Священной Войной» [14, 402]. Фактически, под лозунгом борьбы с коммунизмом, указанными авторами предпринята попытка оправдать нацистский геноцид, развязанный Гитлером против советского народа, в том числе молдавского, и с энтузиазмом поддержанный Антонеску.

Так, на заседании Совета министров от 17 марта 1942 г. И. Антонеску поучал своих подручных грабить всё на оккупированных территориях, «но без документов, для того, чтобы завтра русские не смогли достать эти документы и предъявить их нам за столом переговоров» [17, р. 320].

Примечателен ещё один тезис румынских историков, где утверждается, что США и Великобритания якобы поддержали Румынию в войне против СССР, однако «только до Днестра» [12, р. 1022–1026].

Румынский историк К. Хлихор пишет, что «в начале освободительного похода, предпринятого Румынией с целью освобождения захваченных летом 1940 г. территорий, как США, так и Англия, считали, что переход Днестра румынскими армиями поставит её в положение войны с ними. До Днестра, – заявил 18 июля 1941 г. Михаю Антонеску американский посол в Бухаресте Франклин Мотт Гюнтер, – румынская территория и война может считаться законной, а за ним это действие может иметь антианглийскую направленность.

В августе 1942 г. американские аналитики пришли к выводу о необходимости принять русское требование касательно Бессарабии, но без Буковины» [13, р. 856].

Но, как известно, ещё 25 ноября 1941 г. в Берлине был возобновлён «антикоминтерновский пакт». В церемонии его подписания приняли участие представители Германии, Италии, Японии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Маньчжоу-Го и других фашистских сателлитов [4, с. 60].

После нападения Японии на США, 11 декабря Германия и Италия, 12 декабря Румыния, а 13-го – Венгрия и Болгария объявили войну Соединённым Штатам [1, с. 273]. 8 июня 1942 г. Конгресс США объявил войну Венгрии, Румынии и Болгарии [3, с. 556].

Сразу после 22 июня в беседе замгоссекретаря С. Уэллеса с советским послом в Вашингтоне К. Уманским официально было заявлено, что «американское правительство считает СССР жертвой не спровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии «соответствует историческим интересам Соединённых Штатов» [5, с. 348].

Тем не менее румынские историки продолжают утверждать о якобы отличных от Германии целях Румынии в войне и о том, что западные союзники не осознали этого своевременно. Уже упомянутый Хлихор заявляет следующее: «В Вашингтоне и Лондоне не поняли, что Румыния боролась вместе с Германией против Советского Союза, но их цели и интересы не совпадали» [13, 857], поскольку они боролись за «благородную» цель «возвращения своих земель», отторгнутых Советским Союзом.

В этой ситуации не стоит удивляться, что румынские историки замалчивают тот факт, что в боях на территории Румынии Красная армия потеряла в боях 286 тысяч человек, в том числе 69 тыс. человек убитыми, а румынские войска, несмотря на активное участие в боевых действиях, – 58,3 тыс. убитыми и ранеными [2, с. 70].

Литература и источники:

1. Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. 368 с.
2. Верхотуров Д.Н. Клевета на Победу, Как оболгали Красную армию – освободительницу. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г.: Док. и материалы. М.: ОГИЗ, 1946. 699 с.
4. Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны 1941–1945 гг. М., 1985. 480 с.
5. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док. и материалы в 2 т. Т. 1. 1941–1943 / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1984. 510 с.
6. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992.
7. Шорников П.М. Молдавия в годы Второй Мировой войны / Ассоциация историков и политологов «PRO-MOLDOVA»; Фонд «Историческая память». Кишинёв, 2014. 442 с.
8. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е издание. М.: Воениздат, 1989. 560 с.
9. Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. Chișinău, 1991. 368 p.
10. Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. Chișinău, 1996 P. 380 p.
11. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. București, 2008. 558 p.
12. Hlihor C. 22 iunie 1941 sau 28 iunie 1940? // Revista istorică. Academia Română, 1992. Nr.9–10. P. 1020–1034.
13. Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe // Revista istorică. Academia Română, 1994. Nr. 9–10. P. 852–864.
14. Moraru A. Istoriaromânilor (1812–1993). București, 1995. 558 p.
15. Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. 1939–1995. Chișinău, 1995. 272 p.
16. Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. Chișinău, 1999. 176 p.
17. Procesul lui Ion Antonescu. București, 1995. 562 p.
18. Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. București: Paideia, 1999. 712 p.